
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Карачурина Л. (Москва)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Karachurina L.

THE DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION OF POST-SOVIET RUSSIAN CITIES

Аннотация. В статье анализируется динамика развития урбосистемы России в течение 1989-2010 гг. С привлечением данных Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., а также текущего учета населения исследованы изменения численности населения российских городов в зависимости от их размеров и положения в системе расселения, динамика естественного и миграционного прироста населения городов.

Abstract. The dynamics of urbosistemy Russia for 1989-2010 years is analyzed in the article. With the attraction of the All-Russian census data of 1989, 2002 and 2010., as well as current population studied population change Russian cities, depending on their size and position in the settlement system, the dynamics of the natural and migration growth of cities.

Ключевые слова: урбанизация, система расселения, город, расстояние, размер города, миграционный прирост.

Keywords: urbanization, the settlement system, the city, the distance, the size of the city, net migration.

В советские годы писать про изменение системы расселения было привычно и понятно: индустриализация «выковывала» не только новые станки, печи и трубы, но и новые города, заодно «сметая» на своем пути старые деревни и поселки. Изменения были на виду и анализировать их казалось необходимым и правильным. В постсоветские – интерес к теме заметно поутих. Казалось, что всё теперь «стоит на месте»: то, что сформировалось, то и ладно. Но депопуляция, проблемы с финансами и инфраструктурой, затем различной силы институциональные факторы (например, ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), глобализация (точнее, разное отношение и включение разных территорий в неё) поставили под серьезное сомнение тезис об устойчивости системы расселения.

Нынешняя российская система расселения в реальности уже сильно отличается от

советской и качественно, и количественно. О качественной стороне дела – сращивании имперско-социалистического начала с псевдокапиталистическим – пытаются писать урбанисты, архитекторы, социологи и пр. Количественная всегда представляется более легкой, но в применении к системе расселения в СССР-России и она не выглядит простой. В 1989 г. в стране жило 147,0 млн. чел., которые размещались в 1037 городах, 2193 поселках городского типа (пгт) и 152922 сельских населенных пунктах (снп). К 2010 г. в России осталось 142,9 млн. человек, распределенных по 1100 городам, 1286 пгт и 153124 снп, из которых, правда, 19416 ед. (12,7%) остались без постоянного населения. На первый взгляд, самым большим трансформациям подверглась система пгт, число которых сократилось за 1989–2010 гг. более чем на 40% (907 ед.). Однако это не вполне так: трансформировалось многое, не только система пгт.

---

* Работа выполнена по гранту фонда факультета экономики НИУ ВШЭ (2012-2013 гг.) и Проекта 4.7. «Структуризация населенного пространства России в начале XXI века» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Прирост числа городов невыразителен: за 20 с лишним лет добавилось 63 города. При этом в это время были открыты миру более двух десятков городов – ЗАТО¹. Несколько десятков пгт – стандартным советским путем развития городской системы – превратились в города. Еще порядка десяти городов стали городами, шагнув из снп, минуя стадию пгт (среди них – Московский, чеченские Урус-Мартан и Шали, северные Муравленко и Польшаево и др.). Одновременно почти 20 городов по тем или иным причинам (включение в состав других более крупных, преобразование в пгт или снп) выбыли из состава. Таким образом, по сравнению с предыдущими периодами, когда только в европейской части страны за 1946–58 гг. образовалось 115 новых городов (то есть 9 городов в год), за 1959–91 гг. 135 городов (4 в год) [1, с. 128], изменения действительно не выглядят значительными.

Перераспределение населения между населенными пунктами различных размеров показывает, что главные трансформации за 1990-е гг. пришлось на города с населением от 250 тыс. до 499 тыс. и от 500 тыс. до 1 млн. человек. Население из первых переместилось в пользу вторых. На фоне российской депопуляции такие изменения показывают, во-первых, тенденцию к концентрации населения не просто в городах, как это имело место в 1960–70-е гг., а в крупнейших городах.

Второе объяснение тоже исходит из депопуляции, но уже с пространственных позиций: на фоне общего снижения численности горожан, произошел рост значимости растущих городов в республиках Северного Кавказа, который повлиял на количественную картину перераспределения.

Третье объяснение лежит в административно-статистической плоскости: изменение границ городов путем присоединения к ним близлежащих населенных пунктов сыграло значимую роль в перераспределении населения. Однако и раньше под термином «численность населения города» понимались как собственно численность населения города в пределах так называемого «горсовета», так и численность «населения города с подчиненными его администрации населенными пунктами». Различались они при этом весьма существенно: в 1989 г. численность населения Брянска составляла 448026 человек, а его же, с подчиненными населенными пун-

ктами (пгт Белые Берега, Большое Полпино и Радица-Крыловка) 469410 человек, это 5% разницы.

И раньше, и сейчас анализ затрудняется из-за погрешностей или даже отсутствия необходимых статистических данных. Чтобы понять, как менялась система расселения, желательно иметь данные о численности, структуре населения и потоках на как можно более низком иерархическом уровне и за максимально длительный период. В реальности мы не располагаем данными ни за сколько-нибудь продолжительный в историческом масштабе отрезок времени (сплошного статистического ряда нет даже для послевоенного периода), ни на уровне сельских поселений. А ведь именно это позволяет судить о реальных процессах трансформации системы расселения сельской местности. О том, как вымирает сельская местность в Центральной России или Южной Сибири, можно судить по работам, описывающим отдельные регионы. К таковым можно отнести труды Т.Г. Нефедовой и Н.Е. Покровского по Костромской области [11, 14]; Л.Е. Фукса по расселению в Западной Сибири [15]; Ж.А. Зайончковской и Г.В. Иоффе по расселенческим трансформациям в Московской области [17]; А.Г. Махровой, Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша по Московскому региону [8].

Здесь, однако, ставилась иная задача: агрегировать данные по всей стране на как можно более низком иерархическом уровне. Хотелось понять:

а) существуют ли общие для страны закономерности в развитии городских поселений; зависят ли тренды динамики от «базовой» численности населения или иных факторов пространственного положения, или в трансформационно-кризисный период значимыми оказались только социально-экономические факторы (проще говоря, что важнее – располагаться в условном «центре», быть «большим» или «сидеть на нефти?»);

б) насколько специфичны макротерритории Юга, Центра или Севера России;

в) где устойчивость городской сети выше – в том регионе, где есть один город-монстр и десяток «карликов», или там, где несколько «горок»–городов примерно равной высоты? Здесь перечислены не все вопросы и не на все из них в тексте даны последовательные и обстоятельные ответы, тем не менее, сама их постановка кажется актуальной.

¹ Подробнее об этом см. [6].

В данной статье источниками информации послужили материалы трех переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.) и данные текущего учета населения за 1991–2011 гг., полученные через статистический портал «Мультистат» (база данных «Экономика городов России»).

Объектом анализа являлись примерно 1100 городов России, по которым имелись непрерывные ряды данных за эти годы. Поскольку анализировалась динамика, то непрерывность рядов была едва ли не самым важным требованием к статистической информации. Поэтому из анализа на основании данных текущего учета населения были исключены 40 городов, информация о которых появлялась по мере их статистического «возникновения» (например, для ЗАТО, которые статистически существовали ранее в закрытом режиме) и реального (в связи с присвоением статуса «город») или, наоборот, исчезновения в связи с присоединением к какому-либо другому городу. Например, были выведены из анализа Кайеркан и Петергоф. Первый был слит с Норильском, второй – с Санкт-Петербургом. В исследовании нет «новых» городов, таких как Строитель (Белгородская обл.) или Магас (Ингушетия). По понятным основаниям не рассматривались также данные по Грозному.

Сопоставительный анализ данных переписей 2002 и 1989 гг. показал, что численность населения страны на 1,8 млн. превысила рассчитываемую по данным текущего учета, что было «приписано» прибытиям из стран СНГ и Балтии. Между переписями 2002 г. и 2010 г. аналогичная корректировка данных текущего учета составила почти 1 млн. При этом территориальная проекция этого недоучета была различной, о ней можно косвенно судить по разнице в данных переписи и оценках на ее дату [9]. Миграционный учет в России за постсоветский период неоднократно менялся, это тоже отражалось на численности населения конкретных городов и регионов. Территориальные органы статистики принимали нововведения по-разному: одни быстрее, другие медленнее. Анализ 5-летних кумулянт и агрегированных показателей в этом случае не только облегчает анализ, снижая количество учитываемых цифр, но и помогает нивелировать влияние таких проблем по изменению порядка учета.

1. Общая динамика численности населения городов

Российская депопуляция 1990–2000-х гг. проявилась в снижении численности населения большинства городов. И в первый (1989–2002), и во второй (2002–10) межпереписные периоды их было не менее половины. При этом ситуация в 1990-е и в 2000-е гг. была различной по остроте проявления, но имела общие черты в территориальной локализации и причинах наблюдавшейся динамики.

В 1989–2002 гг. по сравнению с 2002–10 гг. все процессы были более резкими – и связанные с ростом людности, и с ее падением. И эволюционные демографические изменения, и революционные, если таковыми считать системный экономический кризис во всех его проявлениях, более ярко проявились в 1990-е гг. Города «расслоились» под влиянием следующих демографических и социально-экономических факторов:

- старая возрастная структура и естественная убыль населения в регионах и городах старопромышленной Центральной России,
- естественный прирост на юге России, в республиках, не прошедших до конца демографический переход, и активно урбанизирующихся;
- миграционный приток в отдельные привлекательные положением или экономикой города на западе страны с одновременным резким оттоком с севера и востока.

Влияние этих разнонаправленных факторов проявилось в том, что в 1990-е гг. были как интенсивно «просевшие» города, так и столь же интенсивно выросшие.

Следует напомнить, что несколько городов лишились жителей и либо исчезли, либо были переведены в разряд пгт или даже снт и в данной статье они не рассматриваются. Такова судьба Чехова, Горнозаводска, Красногорска в Сахалинской области, Ключей в Камчатском крае и др.

Наполовину и более уменьшилась численность 5 городов: все они малые и все – северные. Они лишились своего населения в ходе массового выезда населения. Таковы Билибино и Певек на Чукотке, Игарка в Красноярском крае, Сусуман в Магаданской области, Северо-Курильск в Сахалинской.

Еще 46 городов потеряли за эти годы от 25 до 50% своего населения. Это северные

города, их 36, среди них 4 центра субъектов Федерации – Анадырь, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Мурманск. Статус регионального центра не смог весомо препятствовать миграционным намерениям населения, в 1990-е гг. люди были готовы бежать из северных столиц в малые города и сельскую местность, но на юге или в центре России. Интенсивному сокращению людности способствовала также миграция в 1991–93 гг. из «северов» в Украину, Белоруссию – явление, которое Ж.А. Зайончковская назвала «разъездом по национальным квартирам». Несеверные города в этой группе – в основном малые, типа Горбатов в Нижегородской или Макарьева в Костромской области, или бывшие угледобывающие (например, Кизел и Гремячинск в Пермском крае).

Больше всего городов (431) в группе с падением численности населения от 5% до 25% к численности 1989 года. Среди них преобладают малые и средние, с монозависимой экономикой, но представлена и почти половина крупных (вторых) городов регионов – Северодвинск, Березники, Рыбинск, Комсомольск-на-Амуре, Нижний Тагил и др. В некоторых субъектах РФ (Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Иркутской, Ростовской областях) почти все значительные третьи города тоже характеризуются убылью населения. В этой же группе 6 из 15 городов Московской области с численностью населения более 100 тыс. чел. (в 1989 г.). Здесь же, кроме того, находится целый ряд региональных центров (17) и федеральный город Санкт-Петербург.

Наполненность и состав группы свидетельствуют о том, что вхождение в полосу депопуляции в начале 1990-х гг. отразилось на множестве самых разных по численности населения и социально-экономическим параметрам городов. В это время население, дезориентированное трансформационным кризисом, еще не начало активной миграции из малых и средних городов в крупные, и это способствовало падению людности больших городов. В следующий межпереписной период эта группа была представлена уже преимущественно малыми и средними городами.

Относительно стабильную численность населения имели 339 городов (32%) – их людность составила 95–105% от зафиксированной в 1989 г. Среди них 26 (8%) со-

ставляли города с численностью населения 100–250 тыс. чел., 37 областных центров. При этом группа областных (краевых, республиканских) городов представлена центрами регионов, которые в 1990-е гг. не отличались сколько-либо позитивной социально-экономической динамикой: Великий Новгород, Смоленск, Курган, Пенза, Курск, Барнаул. Они характеризовались относительно невысокими ценами на недвижимость и были привлекательными для мигрантов из стран СНГ. В этой же группе 6 из 15 подмосковных городов-стотысячников.

Наконец, две группы растущих городов, на фоне общей депопуляции и негативного изменения структуры населения, в целом предстают как оазис благополучия.

На 5–25% росли 199 российских городов. Среди них Москва, целый ряд больших, средних и малых городов Юга России, причем не обязательно с «этнической компонентой», столицы республик Сибири (Якутск, Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) и динамично развивавшиеся в позднесоветский период и вследствие этого еще не очень старые по своей возрастной структуре населения промышленные города Поволжья и Черноземья (Старый Оскол, Димитровград, Новочебоксарск, Нижнекамск, Волжский), из городов поменьше, но той же «природы» – Агидель, Губкин, Курчатова. К 1990-м гг. они еще не успели войти в зону интенсивной естественной убыли населения и даже незначительный миграционный прирост способствовал их общему росту. Эти же факторы, вкуче с продолжающейся миграционной подпиткой в 1990-е, обеспечивали рост населения нефтегазодобывающих городов ХМАО, ЯНАО.

Городов других сибирских и дальневосточных регионов, кроме региональных столиц (их тут 6), в этой группе почти нет (8 из 172 «нестоличных», то есть 4,6%), нет ни одного города севера европейской части страны. С другой стороны, к этой группе относятся 85% всех городов Краснодарского края, 84% Ставропольского, 75% Башкортостана, 68% Татарстана, 59% Калининградской области. Людность города оказалась менее важной, чем пространственно-географическое положение, относительно поздняя индустриализация и «этнический» фактор. Прогрессирующие города Калининградской области, кроме самого Калининграда – малые, но рента

положения сыграла и играет ключевую роль в их росте. Города Московской области еще не стали столь привлекательными для мигрантов, как это будет наблюдаться в следующий межпереписной период.

Еще больший рост – более чем на 25%, продемонстрированный за 1989–2010 гг. 38 городами, вызывает много вопросов, в первую очередь связанных с качеством статистического учета. В этой группе 12 городов Юга России. Среди них – Махачкала, Назрань, показавшая за 13 лет беспрецедентный, почти 7-кратный рост и ставшая в этом смысле абсолютным рекордсменом. Кроме южных городов, в этой группе также 8 городов нефтегазовых регионов России – ХМАО и ЯНАО, а также несколько малых городов, находящихся в непосредственной близости от региональных столиц и ставших их опорными разгрузочными центрами – Цивильск в Чувашии, Всеволожск и Сертолово близ Санкт-Петербурга, Гурьевск около Калининграда.

В следующий межпереписной период (2002–2010 гг.) – ситуация довольно серьезно изменилась, более ровным стал демографический фон. В противовес этому более ярко стала проявляться социально-экономическая дифференциация отдельных городов. Города с крупным социально-экономическим потенциалом (или находящиеся вблизи них) начали активно строиться и привлекать мигрантов. Причем, если в 1990-е гг. это были в основном приезжие из бывших советских республик и мечтавшие поселиться в России «хоть где-нибудь, где подешевле», то в 2000-е гг., когда сильно сократилась миграция на постоянное место жительства между Россией и странами СНГ, более значимую роль стали играть внутренние мигранты. Одновременно произошла трансформация значимости миграций: под влиянием активно развивающейся временной трудовой оттошла на второй план постоянная миграция.

Вместе с заметным исчерпанием миграционного потенциала «северов» и Дальнего Востока, численно сократились, почти исчезли группы городов, показывающие максимальный спад численности населения. Снижение более чем на 50% не характерно ни для одного российского города (кроме ЗАТО), на 25–50% сократилось население 8 городов вместо 46 в предыдущий период. Тем не менее, это по-прежнему в основном

северные города и только что сильно выросшая Назрань. Взлеты и падения бывшей столицы Ингушетии связаны как с объективными реалиями – бурным всплеском вынужденной миграции в город в 1990-е гг., формальной утратой столичных полномочий, как и с качеством проведения переписей населения 2002 и 2010 гг.

В зоне снижения людности на 5-25% от первоначальной численности (2002 г.) находились 45% российских городов. В отличие от предыдущего периода, в этой группе нет ни одного города с населением свыше 500 тыс. чел. Если учесть, что в группе с падением людности на 25–50% не было городов с численностью больше 100 тыс. чел., то становится понятным, что среди крупнейших и даже крупных городов в 2000-е гг. отрицательной динамикой отличались только несколько самых проблемных городов своих регионов. На поддержание численности их населения у демографически ослабленных территорий попусту не хватало демографических ресурсов, а экономическое неблагополучие делало неконкурентными по сравнению с другими крупными городами.

В этой многочисленной группе только 4 города – региональные столицы: Петропавловск-Камчатский, Нальчик, Мурманск, Иваново; еще 25 – вторые города своих регионов. Северные города, принадлежавшие ранее к группе с самой высокой убылью, теперь «спустились» сюда: 57% нестоличных городов Сибири и Дальнего Востока, 59% городов Северо-Запада. Есть целые регионы, депрессивные как с демографической, так и с экономической точки зрения, где все или почти все города – в этой группе. Таковы Кировская, Ивановская, Псковская, Иркутская области, Карелия. С другой стороны, в этой группе только 9% городов Подмосковья и 14% – Ленинградской области.

Другая представительная группа – города, находившиеся в относительном равновесии. Число таких городов составило 385 и увеличилось на 10% по сравнению с 1990-ми гг. Состав этой группы принципиально отличается от предыдущей. Здесь, за исключением Москвы, все города-миллионеры; 47 региональных центров. В городах этого кластера проживает 53 млн. горожан, доля населения, обитающего в динамически относительно устойчивых городах, резко выросла по сравнению с 1990-ми гг.: с 36,7% до 51,1%.

К группе растущих на 5–25% городов относятся Москва, 20 региональных центров и еще более сотни городов самых разных размеров и функций. Большинство из них – с населением до 100 тыс. чел., все они являются локальными точками роста: Бердск в Новосибирской области, Балабаново в Калужской, Покров во Владимирской, Гагарин в Смоленской, Борисоглебск в Воронежской. Есть и другие объяснения: «эффект низкой базы», уже упоминавшиеся проблемы переписи, локальные административные преобразования, захватившие городские поселения России после принятия ФЗ о муниципальных образованиях и стимулировавшие присоединения сел и пгт к городам. Спад интенсивности «западного дрейфа» проявился в том, что сразу несколько региональных столиц, таких как Южно-Сахалинск, Сыктывкар, Анадырь, на фоне отсутствия рядом иных возможных привлекательных центров, показали рост своей людности. В городах юга России росту населения способствует сохраняющаяся повышенная рождаемость. В этой же группе – треть городов Московской области и по 60% городских поселений ХМАО и ЯНАО.

Группа городов с более чем 25%-м ростом в 2000-е гг. не увеличилась, но ее состав поменялся почти полностью, и выросла доля горожан, проживающих в таких городах. Из крупнейших городов страны это Краснодар, из крупных – Сочи и Махачкала, и 8 больших, 4 из которых – подмосковные (Железнодорожный, Химки, Королев, Балашиха). При всех пертурбациях состава групп, неизменной остаётся региональная принадлежность города-рекордсмена: если в 1990-е гг. список самых растущих городов возглавляла Назрань, то теперь ее сменил другой ингушский город, новая столица Республики – Магас.

2. Изменения людности в зависимости от размера и положения городов

Считается, что размер города определяет его мощь, устойчивость к потрясениям, и в конечном счете – успешность. В России мощь, выраженная параметрами численности населения, предопределяет еще и дополнительные возможности централизации и управления. В кризисные 1990-е гг. А.И. Трейвиш и Т.Г. Нефедова вывели закономерность, что границей благополучия для российских городов стала численность населения свыше 250 тыс. чел., всё, что свы-

ше, имело шанс если не развиваться, то хотя бы не падать [12]. Попробуем оценить, что происходило с трендом динамики численности населения городов разной начальной (на 1989 г.) людности.

Число городов вообще и число городов определенной группы (малые, средние, большие и т.д.) менялось с 1989 по 2010 г. значительно. Об этом было сказано выше. Анализ динамики численности населения потребовал определенной «достройки» чисел людности населения для тех населенных пунктов, которые не были городами (а существовали, например, в ранге пгт) (и там, где это возможно) на дату переписи 1989 или 2002 г. Поэтому число анализируемых городов в таблицах и рисунках существенно больше числа реально существующих городов той или иной группы на дату переписи.

Малые города. В целом это самая представительная и «разношерстная» группа, которую для конкретизации анализа разделим на самые малые («карлики») – с численностью населения до 20 тыс. чел. и малые, насчитывающие 20–50 тыс.

Города-карлики. В 1989 г. таких совсем малых городков в России насчитывалось 349. Во многих из них численность населения не только не доходила до советского городского «порога» в 12 тыс. чел., но не достигала и 3–5 тыс. чел. «Города, которые трудно назвать городами», «между городом и деревней», «не город, не село» – все эти и множество других выражений и метафор применимы в первую очередь именно к ним. Сельско-городской образ жизни, недоразвитая социальная сфера, зависимость от одного, редко двух предприятий (часто при этом филиальных) приводят к тому, что эти города могут расти скорее «вопреки», чем «вследствие».

В 2000-е гг. в России еще не проявилась, но уже обозначилась тенденция привлекательности жизни в глубинке. Сегодняшний Мышкин живет в большей степени туризмом, чем обслуживанием газопровода. Десятки сайтов и СМИ привлекают внимание к Козельску и Тарусе (Калужская обл.), Покрову и Киржачу (Владимирская обл.), Великому Устюгу (Вологодская обл.). При отсутствии других факторов роста и низкой «базовой» численности населения даже незначительное количество переселяющихся сюда людей способно в отдельные годы создать количественный рост таким городам.

Отчасти «миграционным подспорьем» для них выступают окружающие сельские территории, но этот источник сильно обмелел. Собственных демографических ресурсов роста малые города большей части страны, как правило, не имеют. Исключение составляют только южные регионы России и республики Сибири.

В целом за 1989–2010 гг. в 19 регионах страны, имеющих в своем составе больше 3-х самых малых городов, нет ни одного растущего малого города. Так обстоят дела в Архангельской, Ивановской, Кировской, Псковской, Тверской, Рязанской, Курской, Иркутской, Челябинской областях, Карелии, Мордовии и др. субъектах РФ. Обратного, кроме Белгородчины, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, ХМАО и ЯНАО не наблюдается, но в этих регионах только по 2 города таких размеров.

В 2000-е гг. доля растущих городов среди совсем малых снизилась с 20,7% до 9,2%. При этом положительная динамика тех отдельных городков, которые росли, обеспечивалась обычно не одним, а несколькими факторами: расположением близ крупного города, этнической структурой населения или динамично развивающейся отраслью экономики (обычно это туризм, санаторно-курортная, пищевая промышленность).

Вплоть до 250-километровой зоны однозначной предстает зависимость динамики численности населения от расстояния до центров регионов: чем дальше, тем хуже соотношение количества растущих и депопулирующих городов; тем ниже темпы роста или выше темпы спада (табл. 1). В очень удаленной зоне растущих городов совсем

немного, при этом 8 из 12 растущих связаны с разведкой, добычей и/или переработкой нефти и газа: Тарко-Сале и Губкинский на Ямале, Покачи и Пыть-Ях в ХМАО, Кедровый в Томской области, Хадыженск в Краснодарском крае, Бавлы в Татарстане, Вилнойск в Якутии.

Малые города с численностью населения от 20 до 50 тыс. чел.

Таких по численности населения городов в России в 1989 г. было 360 и в них проживало 12,3% городского населения страны. Они представляют собой весьма ощутимый пласт российских городов. *«Малый город лишен благ большого, но не знает и многих его недостатков и пороков. Наиболее распространенные недостатки малых городов – невысокий уровень развития сферы обслуживания и благоустройства, экономическая слабость, удаленность от крупных центров. У их жителей ограниченный выбор места учебы, профессии, работы, способов проведения свободного времени. Но недостатками нельзя заслонить те несомненные достоинства, которые у малых городов есть и в дальнейшем будут цениться людьми все больше. Прежде всего гармония с природой»,* – пишет Г.М. Лаппо [7, с. 155–156]. И он же рядом добавляет слова Т. Гуэрры про Суздаль: *«Суздаль словно ветка после дождя: каждая капля искрится, блестит алмазом. Как красиво. И как все это непрочно!»*. Непрочность проявляется, в том числе в отсутствии базы демографического роста. Тот же Суздаль, численность населения которого в 2010 г. составила 10,5 тыс. чел., потерял за 1989–2010 гг. больше 10% своих жителей. А ведь этот город «Золотого кольца» России хорошо известен

Таблица 1

Зависимость динамики людности населения городов размером до 20 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989 – 2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	28	149,6*	12,4	18,7	24	85,9	13,0	11,1
50–99,9	24	128,3	11,7	15,0	56	83,5	12,0	10,0
100–249,9	28	120,1	13,0	15,7	120	82,5	12,6	10,4
Свыше 250	13	134,2	13,0	17,4	74	76,8	12,9	9,9

* без Магаса – 126%

Здесь и далее в табл. 2–4 расчеты автора по данным: Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.:РИИЦ, 1991; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т 1. Численность и размещение населения. – М.: Росстат, 2004; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т 1. Численность и размещение населения. – М.: Росстат, 2012.

не только российским, но и иностранным туристам (и значит, по логике – привлекателен для инвесторов). Впрочем, «мелел» не только Суздаль, число жителей падало в большинстве малых городов. Это стало особенно заметным в 2000-е гг., когда собственные демографические ресурсы в европейской части страны (где их большинство) под воздействием долговременной эволюции смертности и рождаемости, совсем исчерпались. В 1990-е гг. динамику свыше 105% за межпереписной период показывал почти каждый четвертый город с численностью 20–50 тыс. чел., в 2000-е гг. уже только каждый шестой. Выше всего доля растущих городов среди малых на Юге России (80% в Северо-Кавказском и Южном ФО), ниже – на Дальнем Востоке, где в этой категории рос только Лесозаводск в Приморском крае. Меж тем в Краснодарском крае в числе растущих были все 13 малых городов, в Ставропольском крае – 9 из 10. Пропорция в богатых нефтегазовых регионах России несколько хуже. Для роста малых городов, где люди близки к природе и отчасти живут «от природы», природно-климатическое благоприятствование оказалась весьма весомым фактором жизнестойкости.

Другим фактором возможного (но не неперемного) роста оказывается положение вблизи региональных центров (табл. 2). Только в группе городов, расположенных на расстоянии до 50 км, наблюдается позитивная пропорция. Во всех остальных случаях – чем дальше, тем потенциально меньше шансов на устойчивость и рост. Растут и некоторые другие удачно расположенные города – Балтийск как новый порт на Балтике, Калач-на-Дону – как речной судостроительный центр, Кинель как железнодорожный узел.

Среди ресурсодобывающих городов многие, некогда процветавшие, провалились,

среди них Бокситогорск в Ленинградской области, Удачный в Якутии – центр добычи алмазов, апатитовая столица – Кировск в Мурманской области, железорудный Качканар в Свердловской и многие другие.

Наличие статуса районного центра, а малые города в советское время почти повсеместно выполняли функции управления и обслуживания окружающих низовых территорий, теперь стоит немного: из 276 малых городов-райцентров положительной динамикой отмечены 82.

Средние города (50–100 тыс. чел.). И в первый, и во второй межпереписной периоды городам с численностью населения 50–100 тыс. чел. было непросто удержать население. С одной стороны, сказывались инерционно накопленные демографические проблемы, связанные с долговременными трендами снижения рождаемости и старения. С другой стороны – невысокая миграционная аттрактивность на фоне проблем с массовым закрытием предприятий-филиалов, безработица, социальное неблагополучие и проблемы с финансированием по остаточному принципу, в соответствии с которым всем, кто «посередине», не достается ничего или мало что.

Доля средних городов, показывающих отрицательную динамику в 1990-е гг., превышала 40%, в 2000-е снизилась до 31%. За счет этого выросло количество городов, которые значимо и не прибавляли, и не снижали численности населения.

Устойчивую положительную динамику показывала пятая часть всех средних городов России, а часть из них, в первую очередь подмосковные, благодаря этому переместились в группу больших.

Устойчивый рост наблюдался в городах трех категорий:

Таблица 2
Зависимость динамики численности населения городов размером 20–50 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	31	128,4	32,2	41,1	29	86,9	35,5	30,8
50–99,9	26	120,5	32,2	38,5	43	87,7	31,3	27,5
100–249,9	33	121,9	30,6	37,3	101	31,6	31,6	27,0
Свыше 250	24	121,7	34,6	41,8	68	81,9	31,1	25,5

Таблица 3

Зависимость динамики людности населения городов размером от 50 до 100 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	27	126,4	70,9	89,5	11	87,5	72,9	63,3
50–99,9	10	122,9	65,2	80,6	18	86,8	64,2	55,4
100–249,9	26	117,2	68,6	81,1	41	87,4	68,2	59,5
Свыше 250	10	111,2	71,6	79,9	20	82,2	64,7	53,7

Первая – находятся в агломерационной зоне крупнейших городов (Реутов, Красногорск, Лобня и др. в зоне притяжения Москвы, Бердск близ Новосибирска, Гатчина около Санкт-Петербурга, Верхняя Пышма около Екатеринбурга).

Вторая – южные, характеризующиеся естественным приростом и молодой возрастной структурой населения; по 3–5 таких городов имелось в Дагестане, Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области.

Третья, самая малочисленная группа, где рост базируется на наличии какого-либо одного, редко двух видов экономически прибыльной деятельности, что обеспечивает им миграционный прирост. Для Кумертау в Башкортостане это российского значения комплекс хранения газа и производство вертолетов, для Губкина – Лебединский ГОК, Нефтеюганска и Ноябрьска – нефтедобыча.

В ходе анализа было выявлено, что среди средних растущих городов самими высокими темпами отличались города, находящиеся поблизости от региональных центров. Градиент снижения темпов по мере увеличения расстояния до регионального центра выражен нерезко, но однозначно (табл. 3). Из таблицы также видно, как с периферийностью меняется само соотношение количества растущих и сжимающихся городов. Если в первом радиусе от центра число городов, увеличивающих численность населения в 2,5 раза превышает число снижающих ее, то во всех остальных пропорция становится обратной. В итоге к 2010 г. мы имеем ощутимые различия в средней людности городов, находящихся вблизи от региональных столиц и на периферии. Для средних городов оказывается безразличной степень «периферийности» – ситуация за 120 км от центра примерно такая же, как за 250. В

предыдущих исследованиях [5, 10] было показано, что локальные центры притяжения в регионах могут находиться на расстояниях 200 и больше километров от центра, но ими почти никогда не бывают средние города. Для выполнения функций периферийных точек роста таким городам, как правило, не хватает населенческой мощности.

Большие города. Число городов с численностью населения от 100 до 250 тыс. чел. в 1990–2000-е гг. увеличилось с 85 до 91. Но рост был нелинейным, больше десятка индустриальных центров Урала, отчасти Центра и Сибири покинули эту группу, но другие, в первую очередь южные города, её наполнили и даже увеличили. С другой стороны, из 250-тысячников в эту группу переместились Рыбинск, Северодвинск, Братск, Ангарск и др.

В результате разнонаправленных процессов в целом за 1990–2000-е гг. эта группа была в относительном равновесии. 28% городов устойчиво росли, основные изменения проявлялись в том, что резко уменьшилось количество городов с резко отрицательной динамикой. Таких было 34 в 1989–2002 гг., но 23 в 2002–10 гг. То есть в период трансформационного роста, когда увеличилась внутренняя мобильность и «разборчивость» в выборе пространственных траекторий, притягательность больших городов, а среди них 12 региональных центров, 19 вторых городов своих регионов, выросла. Однако, главный драйвер устойчивости больших городов России – все же не отдельные региональные столицы или вторые города в целом, а города Подмосковья, их здесь 15 с более чем 2-х миллионным населением, именно они определяют позитивную динамику. Не росли на протяжении последних 20-ти лет расположенные в относительном удалении

Таблица 4

Зависимость динамики людности населения городов размером от 100 до 250 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	11	118,1	139,6	165,8	4	91,8	162,2	148,1
50–99,9	2	105,5	165,5	175,6	14	91,6	127,3	116,7
100–249,9	13	122,8	159,3	194,3	17	86,6	152,0	131,3
Свыше 250	3	107,8	162,5	173,2	9	89,3	124,2	111,2
Региональные центры	9	113,7	186,9	211,9	3	87,8	194,3	174,9

от Москвы Ногинск, Серпухов, Орехово-Зуево, Коломна, но и они не показывали сильной отрицательной динамики. Рост же Химок и Балашихи, особенно в 2000-е гг., когда здесь начался строительный бум, были поистине грандиозными.

Большие города, показывающие устойчивый рост на протяжении обоих переписных периодов – в основном сложившиеся промышленные центры (Старый Оскол, Новотроицк, Димитровград, Балаков, Энгельс, Нефтекамск и др). В силу своих размеров, они, как правило, полифункциональны, но именно «базовая» промышленная функция определяет их портрет. Как и в других классах, растут южные города и «столицы». Институциональные статусные преимущества в условиях моноцентричности проявляются не только на уровне страны и Москвы, но и на уровне регионов (табл. 4). А вот фактор удаленности от региональных центров для больших городов не всегда оказывается значимым. В зоне до 50 км от столиц вероятность роста существенно выше. Негативная ситуация складывается на расстоянии 50–100 км от региональных столиц. В условиях отсутствия статистической информации о направлениях внутренних перемещений можно только предполагать, что именно из этой зоны идет активное вымывание населения. Почти повсеместно оно направлено в сторону регионального центра, иногда в сторону «вторых» городов регионов, расположенных на значительном расстоянии от региональных столиц.

Города с населением свыше 250 тыс. чел. В условиях российской моноцентрично-

сти $\frac{3}{4}$ крупных городов страны являются региональными столицами, то есть имеют два потенциально «плюсовых» с точки зрения возможного роста фактора – агломерационные эффекты (размеры) и институциональные преимущества. Тем с большей тревогой надо рассматривать крупные города, которые демонстрировали отрицательную динамику людности. В 1990-е гг. так развивался каждый третий город, в 2000-е гг. – каждый 7-й. Залогом улучшения ситуации стали их рынки труда, привлекающие мигрантов в связи с многообразием предлагаемых вакансий. Повышенный спрос на рабочие руки, особенно в трудоемких отраслях сферы услуг, которая в 2000-е гг. стала нарастать в структуре занятости не только Москвы (как в 1990-е гг.) и Санкт-Петербурга, но и многих региональных столиц². Так в 2000-е гг. по отношению к предшествующему периоду заметно улучшилась динамика в группе северных областных городов (Петропавловск-Камчатский, Мурманск, Архангельск и др.), в группе уральских и западносибирских индустриальных центров (Челябинск, Кемерово, Екатеринбург, Новокузнецк, Пермь), в некоторых центральных областных центрах (Тверь, Тула, Владимир, Воронеж).

В целом за 1989–2010 гг. численность населения 35 крупных городов страны возросла, 41 – снизилась. В городах, которые демонстрировали в дальнейшем рост, в 1989 г. проживало 27,8 млн. чел., в 2010 г. их суммарная людность возросла до 32,4 млн. чел. Мощност противоположной группы упала с 25,9 млн. до 24,0 млн. чел. Региональные центры разделились на растущие и депопу-

² Подробнее см. в работах Н.В. Зубаревич, например, в [3, 4].

лирующие строго поровну. Из 18 крупных городов, которые не являются региональными центрами, только 6 прирастали населением: Волжский, Тольятти, Череповец, Набережные Челны, Сургут и Сочи. Эти большие субцентры имеют разное пространственное положение в системе расселения своих регионов, но, за исключением Сочи, общий генезис. В своем нынешнем виде они появились в СССР как промышленные узлы базовых отраслей промышленности. Как отмечает Г.М. Лаппо, у них наблюдается «незавершенность функциональной структуры, появление в ней промышленных «флюсов», повышение доли маргинального населения, недостаточная зрелость городской среды. И среди больших городов эти болезни молодости не изжиты, причем в постсоветское время устранение их сильно затруднено» [7, с.54]. Их рост в 1990–2000-е гг. отчасти имел инерционную природу (последствия относительно молодой структуры населения).

Говоря про такую группу, в которой сосредоточены самые большие и экономически самые мощные города страны, необходимо подчеркнуть, что, когда массово «проседают» подобные города (именно такое явление мы наблюдали в 1990–2000-е гг.) – это верный признак больших демографических проблем страны. Другой вопрос – что это также проявление субурбанизационных процессов, старт которых в России был отсрочен советской нерыночной экономикой (в первую очередь, отсутствием рынков земли и труда, а также специфическим подходом к наличию загородного жилья у горожан), а затем наложен на общий социально-экономический кризис. Этот конгломерат масштабных и разновекторных процессов по-разному проявлялся в старых (и демографически, и урбанизационно) европейских и молодых северных и восточных районах страны, на «этнически окрашенных» и относительно моноэтнических территориях. Но для огромной страны, где одни процессы нивелируют другие, и при этом совершается множество административно-территориальных преобразований, в целом получается, что тренды численности разных по численности групп городов показывают некоторую флуктуацию, но не однозначные и сколько-нибудь объяснимые линии. Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш считают, что это нормально, т.к. «по мере того, как система городов становится более зрелой и

устойчивой, сдвиги и смена стадий [имеется в виду – «стадий урбанизации» – прим. ЛК] обычно делаются менее выразительными и подверженными краткосрочным колебаниям вокруг некоего среднего состояния гомеостатического равновесия» [13]. Однозначными предстают только кривые зависимости динамики людности городов от расстояний до региональных центров: и в 1989–2002 гг., и в 2002–10 гг. растет людность любых поселений, находящихся на расстоянии до 50 км от столицы, от совсем малых до крупнейших городов. На всех остальных расстояниях возможны как рост, так стагнация или снижение численности.

3. Динамика естественного и миграционного прироста городов

Реальные механизмы городского бытия определяет «разложение» общего прироста (убыли) российских городов на две его составляющие – естественный и миграционный прирост.

На протяжении 1991–2011 гг. всем городам, и крупнейшим, и совсем небольшим, была свойственная кумулятивная естественная убыль. В 2000-е гг., вследствие более благоприятной возрастной структуры горожанок в репродуктивном возрасте, почти повсеместно выросла рождаемость, что снизило масштабы естественной убыли. Повидимому, на дифференциацию естественной убыли в последние годы повлияло некоторое уменьшение смертности в крупнейших городах страны, но соответствующими данными по городам с численностью населения до 100 тыс. чел. мы не располагаем.

В целом размеры естественной убыли принципиально не зависели ни от размера города, ни от его положения в системе расселения региона, а в отдельных случаях определялись только макроразделением: на депопулирующем севере или все еще растущем юге страны находится тот или иной город. Отдельными оазисами естественного благополучия представляются молодые (как по дате своего основания, так и по возрасту жителей) центры нефтегазодобычи, а также города у построенных в позднесоветский период ГЭС или АЭС.

На протяжении 20 последних лет отмечается пониженная естественная убыль населения городов до 50 тыс. жителей, расположенных в зоне агломерационного влия-

ния региональных столиц. По-видимому, это результат не только модификации процессов рождаемости и смертности, но и миграционного прироста. Мигранты, которые, в своей основной массе, более молоды по отношению ко всему населению, обеспечивают в городах дополнительные рождения³.

Миграционные процессы городов разной людности более дифференцированы, чем естественные. Хотя в целом за 1991–2011 гг. города всех типов показали суммарный миграционный прирост, ситуация разнится. Города-карлики начиная с 2006 г. характеризуются оттоком населения. Малые города с людностью от 20 до 50 тыс. жителей показали убыль в 2011 г., а до этого неуклонно снижали темпы миграционного роста.

Средний миграционный прирост у городов всех типов, начиная с 1996 г., хорошо подчинялся зависимости: чем дальше от регионального центра располагается город, тем ниже его миграционная привлекательность. В 1991–95 гг. эту тенденцию нарушали – короткий дезурбанизационный тренд, и масштабное бегство населения из стран СНГ и Балтии после распада СССР. Абсолютные размеры перетока горожан в село были незначительными – около 120 тыс. чел. за 1991–92 гг., но регионально дифференцированными. Жители бывших союзных республик на первых порах селились и в сельской местности, и в далеких и близких малых и средних городах, на короткое время улучшив демографическую ситуацию в них. Из «правильного» тренда выбиваются только крупнейшие города страны. Среди них в начале 1990-х гг. особой аттрактивностью отличались города, расположенные на расстоянии 50–100 км от региональных центров (таковых всего 3 – Таганрог, Рыбинск и Тольятти), в последующем они быстро сдали свои позиции. Большинство других крупнейших городов большую часть периода миграционно росли, меньшую аттрактивность демонстрировали не самые периферийные из них (они-то – такие как Сургут, Сочи, Новокузнецк, Магнитогорск, Орск – как раз активно притягивали население), а «среднеудаленные» (на 50–250 км от региональных центров). Очевидно, что они не выдерживали с региональными центрами конкуренции за мобильное население.

Применительно к городам разной людности необходимо говорить о некоторых

«сдвигках» во времени и пространстве в ходе процесса миграционного «стягивания». Для малых городов вплоть до начала 2000-х гг. наблюдалось концентрирование миграционного прироста в тех из них, которые располагались на расстоянии 100–250 км от регионального центра, в 2000-е гг. значимость центрально-периферийных градиентов для этих городов усилилась и миграционный прирост аккумулировался в центральной зоне. Одновременно малые города, расположенные на расстоянии свыше 250 км от региональных центров, стали показывать устойчивую миграционную убыль.

Схожие тенденции наблюдаются и для средних и крупных городов. Отличий от малых городов два:

1) стягивание миграционного прироста в центральной зоне началось раньше, оно было заметно уже в 1996–2000 гг.

2) города, расположенные на расстоянии 100–250 км от центра, чувствовали себя лучше, чем те, что отдалены от региональных столиц на 50–100 км. Впрочем, и для них – чем дальше, тем значимее становится «центральность», которая в российском варианте стала одновременно центральностью, институциональностью и агломерированностью. В 2011 г. у средних и крупных городов весь миграционный прирост концентрировался в близлежащих к центру городах, а всё, что удалено на расстояние больше 100 км, миграционно мелело.

Для группы крупнейших городов (которые в основном являются одновременно центрами своих регионов), стягивание миграционного прироста было характерно в течение всего рассматриваемого периода.

В итоге, чем выше людность городов, тем выше значимость миграционного прироста в качестве компенсатора естественной убыли. Для малых городов – это 22%, для крупнейших – почти 65% (табл. 5). Миграция ощутимо и многосторонне, через воздействие на возрастную структуру населения, рождаемость, отчасти и смертность, влияет на самочувствие российских городов. Одним дает возможность приостановить падение, для других – является полноценным «вторым руслом». Малым и средним городам трудно было всегда. В 2000-е гг. центростремительность усилилась и этим городам, если только они не обладатели четырех «не» (не на «русском»

³ Вопрос о влиянии на рождаемость миграции подробно обсуждается в работе С.В.Захарова и С.В.Суркова [2]

Естественная убыль и миграционный прирост в городах разной людности, суммарно за 1991–2011 гг.

Людность городов, тыс. чел.	Естественная убыль, тыс. чел.	Миграционный прирост, тыс. чел.	Замещение естественной убыли миграционным приростом, %
до 19,9	-531,5	116,5	21,9
20–49,9	-1066,2	594,2	55,7
50–99,9	-1077,7	530,2	49,2
100–249,9	-1110,4	590,9	53,2
свыше 250	-4604,5	2978,4	64,7

Расчитано по данным базы «Экономика городов России» статистического портала «Мультистат»

юге, не экспортнодобывающие, не в пределах агломераций, не «этнически окрашенные»), мигрантов хватать перестало из-за снижения внешней миграции и появления конкуренции за внутренних мигрантов. Произошло расслоение городов. «Близкие к столицам удерживали миграционный прирост на стабильном уровне, а города внутрирегиональной периферии сократили баланс до нуля, а потом – до отрицательных значений. В миграционном плане они окончательно сблизилась с сельской местностью» [10, с. 427].

Каковы причины наблюдаемой концентрации и каковы её же последствия? Перечислим некоторые, наиболее очевидные:

- низкая инфраструктурная насыщенность, ведущая при депопуляции к общей разреженности пространства и движению пространства не в сторону «мозаичности», как в Европе, а скорее «лоскутности», фрагментарности [16];
- незрелость городской системы, в которой сохраняется множество некомфортных для жизни негородов, дробность городской сети, сочетаемая с наличием, как правило, одного круп-

ного городского центра, «дачеизация» вместо западной субурбанизации;

- радиальный рисунок транспортной сети, который, даже независимо от качества коммуникаций, дает неоспоримые преимущества пригородным территориям;
- гиперцентрализация власти и ресурсов на всех уровнях; усиление территориальной концентрации производства;
- слабое использование потенциала глобальной экономики и хозяйственной диверсификации в отдаленных малых и средних городах, бюрократизированность в построении «мелкой индивидуальной экономики»; «убитая» в советское время тяга населения к экономической инициативе;
- рост мобильности населения, при которой люди хотят жить там, где им комфортнее (есть работа, до которой относительно недалеко добираться, разнообразнее досуг, больше возможностей для самореализации и получения услуг). В нынешних российских условиях – это крупные города и территории близ них.

Библиографический список

1. Город и деревня в европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
2. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграция и рождаемость в России //Интернет-еженедельник «Демоскоп Weekly». 2009.
3. Часть 1. – № 399–400. <http://demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php>
4. Часть 2. – № 401–402. <http://demoscope.ru/weekly/2009/0401/tema02.php>
5. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
6. Зубаревич Е.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010): центрo-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. Редактор А.И.Алексеев, А.А.Ткаченко. – М.: ИД «Кодекс», 2013. – С. 82–107.

8. Карачурина Л.Б., Полян П.М. Вектор урбанизационного процесса //Население России в XX веке: исторические очерки. 1991–2000 гг. – Т.3. – Кн. 3. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 20–53.
9. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. – 504 с.
10. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
11. Мкртчян Н.В. Миграция как компонент динамики населения регионов России: оценка на основе данных переписи населения 2010 года // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 5. – С. 28–41
12. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера поселения в системе центрo-периферийных отношений //Научные труды: ИНП РАН /Гл. ред. А.Г.Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2011. – с. 416–430.
13. Нефедова Т.Г. Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. Ред.: Покровский Н.Е. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010. – с.40–69.
14. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и веси: поляризованное пространство России //Интернет-еженедельник «Демоскоп Weekly». 2010. – № 437–438. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/index.php>
15. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века//Проблемы урбанизации на рубеже веков /Отв. ред. А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. –с. 71–86
16. Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества //Мир России: Социология, этнология, 2008. – Т. 17. – № 4. –С. 111–134
17. Фукс Л.Е. Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. – Новосибирск: Издательство ПРО: Агентство «Сибпринт», 2003. – 216 с.
18. Borsdorf A., Salet W., 2007. Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. – Belgeo. № 1. – p. 3–14.
19. Ioffe, G. and Z.Zayonchkovskaya, 2011. People in transition: spatial shifts in population within the Moscow region /National Council for Eurasian and East European Research. University of Washington. 45 p. http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2011_824-05g_loffe.pdf

Калинина И.В. (Биробиджан)

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА РУБЕЖЕ XX–XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)*

Kalinina I.V.

CHANGING OF FUNCTIONS OF RURAL SETTLEMENTS IN THE TURN OF THE CENTURY XX–XIX (ON EXAMPLE OF JEWISH AUTONOMOUS REGION)

Аннотация. Предложена функциональная типология, учитывающая современные особенности занятости сельского населения. Рассмотрено изменение производственных функций сельских населенных пунктов Еврейской автономной области за последние два десятилетия.

Abstract. We propose a functional typology, taking into account the modern features of rural employment. The change in the production functions of rural settlements of the Jewish Autonomous Region over the last two decades.

Ключевые слова: трансформация, сельские населенные пункты, сельская местность.

Keywords: transformation, rural settlements, rural area.

Введение. Сельская местность – это сложная социально-экономическая система, элементы которой взаимодействуют между собой и с внешними системами. Как и любой элемент системы, сельский населенный пункт выполняет различные функции, причем несколько одновременно. Количество и качество функций пункта определяет его

устойчивость в изменяющихся социально-экономических условиях, смена которых, в свою очередь, влечет трансформацию его функций, а зачастую статуса и благосостояния жителей.

Подходы географов-руралистов в отношении функций до некоторой степени условно разделены на две части. Во-первых,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-12-79001 а(р) «Закономерности эволюции социально-экономической системы развивающегося региона с позиций синергетики (на примере Еврейской автономной области)».